

ский поднялся на возвышенность. Тут же находились и командиры обоих полков его бригады. На вершине, на открытой позиции стоял пулемёт. За ним лежал офицер³⁸⁵ и меткой стрельбой вносил сумятицу в действия воспрянувшего после отхода «партизан» противника. Едва в зоне досягаемости появлялась достойная внимания цель, тут же она накрывалась метким пулемётным огнём. Попыталась стать на позицию у фермы батарея, следовала очередь, и советские артиллеристы, теряя ранеными людей и лошадей, поспешили взяться на передки и скрыться в близлежащей роще. Ей навстречу начали выдвигаться подводы, но тут же вынуждены были повернуть назад. Наконец на опушку выехала группа конных, по-видимому, командиры. Офицер выпустил пол-ленты, и кавалькада рассеялась.

Пулемёт давно был замечен, и откуда-то с закрытой позиции начало бить по нему орудие. Разрывы пока что ложились в стороне. Богаевский подошёл и обнаружил, что за второго номера была молоденькая сестра милосердия, бесстрашно набивавшая патронами ленты. Уходя, Богаевский настоял на том, чтобы девушка проследовала вместе с ним. Советские артиллеристы, наконец, пристрелялись и накрыли вершину холма. Но офицер остался цел и невредим, и лишь переменял позицию. И долго ещё, пока не начало темнеть, слышны были его короткие скупые очереди...

На ночь оба полка, Партизанский и Корниловский, были отведены в станицу³⁸⁶. Лишь охранение, выставленное Казановичем, прикрывало её со стороны Екатеринодара.

6.12.2. Перед штурмом

В 2 часа ночи 28 марта (10 апреля) Казанович получил новый приказ: 2-й бригаде наступать на Екатеринодар, не дожидаясь переправы и развёртывания остальных частей. Во исполнение этого распоряжения Богаевский предписывал Партизанскому полку атаковать западные окраины города, а Корниловскому –

³⁸⁵ Прапорщик Зайцев, убитый вскоре при штурме города.

³⁸⁶ Здесь в состав Корниловского полка были влиты до трёхсот казаков-кубанцев под командой есаула Кисель.

продвигаться к Черноморскому вокзалу. Пластунский батальон полковника Улагая оставался в резерве.

Генерал Казанович был человеком весьма неординарным. В отличие от Неженцева, который всегда и везде беспрекословно выполнял *любой* приказ Корнилова, или Маркова, который *потом* мог ворчать и ругаться, но только не вступать в прения с Командующим, Казанович, если уж считал нужным, готов был высказать своё мнение кому угодно.

Получив приказ о наступлении, он счёл его, по меньшей мере, необдуманным и собирался уже идти к Богаевскому с просьбой добиться его отмены. «...я был уверен, – пишет генерал, – что сил бригады недостаточно для овладения городом и преждевременная атака поведёт к тому, что наши без того небольшие силы будут введены в дело по частям и, вместо планомерной атаки получатся разрозненные действия отдельных частей. Поспешная атака не давала нам и выгод внезапности: *мы уже достаточно обнаружили наши намерения*. В поспешном отступлении большевиков я не видел ничего особенного: мне ни разу не приходилось видеть, чтобы не только большевики, а и всякий другой противник выдерживал в открытом поле штыковую атаку, *предпринятую с действительной решимостью довести её до конца*, а тем более атаку добровольцев Корниловского полка. Зато густые массы отступающего противника позволяли судить о его подавляющем численном превосходстве, и нельзя было быть уверенным, что в наступлении на Елисаветинскую принимает участие *весь гарнизон Екатеринодара*».

Однако приняв во внимание, что в создавшихся условиях приказ вряд ли удастся отменить и все действия, предпринятые в этом направлении, обернуться лишь потерей времени, которого и так уже оставалось немного до рассвета, Казанович от своей идеи оспорить приказ отказался. Напротив, генерал тут же отдал ряд предварительных распоряжений и стал готовиться к атаке.

Наивно думать, что всё, о чём думал Казанович, не учитывал *или не хотел учитывать* Командующий³⁸⁷. В силу специфики

³⁸⁷ Более того, к утру для усиления 2-й бригады им был переправлен на правый берег батальон 1-го Кубанского стрелкового полка.

своего характера и выработанной концепции ведения боевых действий, Корнилов руководствовался иными соображениями. И стремился нанести удар как можно скорее, пока противник не успел ещё в достаточной мере укрепить оборону³⁸⁸. Думается, в данном конкретном случае Командующий допустил ошибку. Выбор в пользу решительных, иногда, вне всякого сомнения, неподготовленных действий, которые на протяжении всего похода неизменно приносили успех, на этот раз оказался неудачным. Вложи Армия в самый первый удар *всю мощь*, шансов, пожалуй, было бы больше. Но об этом легко рассуждать сейчас. Тогда же из многих вариантов необходимо было выбрать один единственный и, не теряя времени, приступить к его реализации. Корнилов свой выбор сделал, и от себя, во всяком случае, не отступился...

Любопытно, что советские источники, в свою очередь, критикуют Автономова. И если причины *и заданность* общих претензий понятны и объяснимы, то скептическое отношение к организации обороны Екатеринодара не может не вызвать удивления. Вот, например, что пишет И.Л. Хижняк: «Наши разрозненные отряды только вступили в соприкосновение с войсками Корнилова, как получили приказ от главкома Автомова – отходить на Екатеринодар для обороны города. Это была грубейшая ошибка нашего командования. Вместо того чтобы в предгорье стянуть красногвардейские части и тут разбить потрепанную в боях корниловскую армию, главком отдал распоряжение без боя отходить на Екатеринодар, которому никто ещё не угрожал.

³⁸⁸ «Лёгкость, с которой был одержан успех этого дня, – пишет Деникин, – моральная неустойчивость большевиков, доходившие сведения о панике в Екатеринодаре, о начинающейся будто бы эвакуации и, вместе с тем, о подходящих спешно подкреплениях – всё это побудило Корнилова поспешить с атакой и нанести решительный удар, прежде чем большевики опомнятся и усилятся, не дожидаясь сосредоточения всех наших сил. Поздно ночью отдан был приказ ускорить переброску Кубанского стрелкового полка (из бригады Маркова), а Богаевскому совместно с Эрдели атаковать Екатеринодар 28-го марта.

В этом решении многие видели потом причину рокового исхода операции...

Корнилов рискнул и... ушел из жизни раньше, чем окончилась Екатеринодарская драма. Рок опустил внезапно занавес, и никто не узнает, каким был бы её эпилог».

Корнилов на станции Афипской захватил много боеприпасов. Это была вторая наша ошибка. В спешке мы не могли угнать вагон с боеприпасами в Екатеринодар. И третья, очень большая ошибка выражалась в том, что наше командование для обороны Екатеринодара не использовало такой мощный рубеж, как река Кубань. Мы дали Корнилову возможность беспрепятственно переправиться на правый берег в районе станицы Елизаветинской, откуда он и повёл наступление на Екатеринодар...»

При непредвзятом рассмотрении эти утверждения представляются весьма сомнительными. Именно в силу своей неорганизованности советские отряды в полевых условиях и проигрывали один бой за другим. Имея свободу манёвра, добровольцы самую неудачную поначалу позицию неизменно превращали в итоге в выигрышную. Офицерские части, подготовленные и устойчивые, даже и при значительном превосходстве противника имели перед ним преимущество. Стянуть же в предгорье либо в любую иную точку значительные силы было очевидно невозможно. Даже и в критической ситуации отряды подходили к месту боя одновременно и действовали, зачастую, каждый сам по себе³⁸⁹. Юго-Восточная армия армией была лишь по названию. Её структура управления, иерархия и, тем более, состав не были ещё определены. Между любым, пусть даже самым удачным, замыслом и его осуществлением лежала пропасть. Не выглядит слишком смелым предположение, что если бы советское командование действительно начало бы стягивать где-то в стороне от железной дороги *все части*, то, пока они подошли бы и организовали друг с другом взаимодействие, Корнилов мог бы и проскочить в Екатеринодар.

Упоминание о захваченном в Афипской вагоне со снарядами как о едва ли не стратегическом факторе уже и само по себе говорит о многом. Не испытывай Добровольческая армия хронического некомплекта боеприпасов, как знать, возможно события развивались бы иначе.

Следует, видимо, признать, что управление многочислен-

³⁸⁹ Достаточно вспомнить, что многочисленная «Филипповская армия» в массе своей от родных сёл далеко не пошла и преследование добровольцев лишь обозначала.

ными отрядами со стороны Екатеринодара было неустойчивым, да другим и быть не могло. Что советское командование действительно отказалось в какой-то момент от активных действий и ограничилось обороной. Что, либо следуя этой логике, либо не разобравшись в ситуации, но переправу Корнилова через Кубань действительно прозевали. И более того, создаётся впечатление, что Автономов пустил всё на самотёк, едва ли не отрешившись от происходящего.

Но если взглянуть на всё это несколько под другим углом, выясняется вдруг, что именно «упущения» Главкома и предопределили конечный успех. Заслуга полководца заключается, прежде всего, в том, чтобы в сражении создать наиболее благоприятные условия для своих войск, поставив при этом противника в наименее благоприятные. Но вольно или невольно именно такие условия Автономов и создал! Екатеринодар обороняли почти все наличные силы. К тому же в условиях уличного боя свобода манёвра была ограничена, и преимущество добровольцев в индивидуальной подготовке во многом сводилась на нет. И то, что Корнилову дали спокойно переправиться на правый берег, тоже сыграло на руку большевикам. В противном случае, Армия могла бы просто уйти, и вновь собрать в одном месте силы, способные задавить добровольцев своей численностью, было бы весьма не просто.

Если бы действия советского командования были спланированы изначально, следовало бы признать этот план гениальным, а его воплощение в жизнь – образцом военного искусства. Вероятно, всё это было не так, и счастливым случаем обернулись весьма невысокие амбиции Главкома и трезвая оценка своих полководческих талантов. Даже, если Автономов³⁹⁰ не был стратегом, то это как раз и помогло. Он реализовал простые, очевидные вещи. Прежде всего, защищал только что

³⁹⁰ Неизвестно, правда, в каком соотношении делил власть и ответственность за принятые решения Главком Автономов с тем же Сорокиным, своим штабом, или Ревкомами (3 (16) марта оказавшиеся в занятом Екатеринодаре ревком Юго-Восточной армии, Главный Кубано-Черноморский ВРК с влитым в него Кубанским Областным советом из станицы Крымской и Екатеринодарский ревком сформировали Объединённый ВРК, который и стал высшим органом Советской власти в Области).

оформившийся центр власти³⁹¹, подтвердившей его столь высокие полномочия. Убедившись, что попытки атаковать Добровольческую армию приводят лишь к чувствительным потерям, практически от них отказался, ограничившись оборонительными действиями. И стягивал постепенно к Энему, где ожидался удар Корнилова, всё, что оказалось под рукой.

Нельзя не признать, в решающий момент Автономов вместе с Сорокиным и другими командирами проявили как решительность, так и необходимую твёрдость. Едва направление наступления Корнилова от Елизаветинской стало очевидным, в спешном порядке один за другим советские отряды стали перебрасываться из-под Энема и занимать выделенные им сектора. Оборона города была круговая, но главная линия протянулась от реки до полотна Черноморской железной дороги. На левом, упиравшемся в Кубань фланге на территории кожевенных заводов стали Ейский и Должанский батальоны. Правее занял позиции отряд станицы Тимашевской³⁹². За ним – Приморско-Ахтарский отряд П.К. Зоненко³⁹³. Далее заняли оборону Екатеринодарский красногвардейский отряд, подразделения Латышского стрелкового полка, 154-й Дербентский полк. На правом фланге стояли части Сорокина. Выселковский полк прикрывал северо-западную окраину города и Черноморский вокзал³⁹⁴. Помимо этого, многочисленные рабочие дружины³⁹⁵ и отряды Красной гвардии из близлежащих станиц занимали позиции вдоль северной и восточной окраин.

Трудно говорить что-либо определённое об общей численности защитников Екатеринодара. Одни отряды насчитывали

---

³⁹¹ С 19 марта (1 апреля) в Екатеринодаре работал 2-й Кубанский областной съезд Советов.

³⁹² Позднее сюда же был выдвинут и 2-й Северо-Кавказский полк Д.П. Жлобы.

³⁹³ В составе отряда до двух батальонов пехоты, сто сабель при двух орудиях и шести пулемётах.

³⁹⁴ Его командир К.И. Чернявский совмещал также и должность коменданта станции Екатеринодар.

³⁹⁵ Винтовки были розданы всем, кто готов был встать на защиту города, рабочим заводов Аведова и «Кубаноль», железнодорожникам и даже трамвайщикам.

до нескольких сот бойцов. Другие – до нескольких тысяч при большом количестве пулемётов и собственной артиллерии. К тому же на протяжении всех дней боёв в город продолжали прибывать подкрепления. Думается, ближе к истине подошёл И.Л. Хижняк, утверждавший, что группировка советских войск в Екатеринодаре насчитывала до 30 тысяч штыков и сабель. Кроме того, оборону укрепляли три отдельных артиллерийских батареи, ставших у вокзала, на Сенной площади и на территории артиллерийских казарм, и два бронепоезда³⁹⁶, курсировавших вдоль ветки Черноморской железной дороги между городом и садами.

Советский Екатеринодар изготовился к обороне...

6.12.3. Атака

Согласно отданному Корниловым приказу город должны были атаковать *и взять* Конная и 2-я пехотная бригады. Партизанскому полку Богаевский предписывал выйти к западным окраинам города, Корниловскому – наступать в общем направлении к Черноморскому вокзалу. Эрдели было приказано обойти Екатеринодар с севера, перерезать Черноморскую и Владикавказскую железнодорожные ветки, а при благоприятном стечении обстоятельств продвинуться до станции Пашковской и поднять казаков.

Едва рассвело, Партизанский полк был поднят по тревоге. 2-й батальон Казанович направил правее дороги, выводящей к ферме, одну сотню 1-го батальона – левее. Две остальных сотни оставались в резерве и следовали позади первой линии. Полк уже развернулся для наступления, но в этот момент к Казановичу подъехал Богаевский и сообщил, что по непонятной причине Корниловский полк не получил своевременно приказа и запаздывает с выступлением. Командир бригады предложил приостановить наступление до тех пор, пока не подойдут и не выйдут на одну линию с «партизанами» «корниловцы».

Казанович возразил, что задержка ослабит порыв, которого уже, быть может, и не вернёшь, и приведёт в итоге лишь к боль-

³⁹⁶ С командами из черноморских моряков.